

ISSN 0130-1640

ЗНАНИЕ- СИЛА 6/88

ГЕОГРАФИ

ЗНАНИЕ — СИЛА 6/88

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Орган ордена Ленина
Всесоюзного общества
«Знание»

№ 6(732)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Н. С. Филиппова

Редколлегия:

Л. И. Абалкин
Ю. Г. Вебер
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
Г. А. Зеленко
(зам. главного редактора)
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
И. Л. Кнунянц
П. Н. Кропоткин
К. Е. Левитин
(зам. отделом)
А. А. Леонович
(зам. отделом)
Н. Н. Моисеев
Р. Г. Подольный
(зам. отделом)
В. П. Смилга
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
Н. Я. Эйдельман
В. Л. Янин

© «Знание — сила», 1988 г.

Читателя может удивить, что я обращаюсь к интервьюируемому на «ты». Я и сама долго колебалась, как быть. Начинать интервью со слов «Уважаемый Александр Александрович!» — просто язык не поворачивается, а рука отказывается писать. Ведь мы знакомы очень давно, со студенческих лет, которые пришлось на пятидесятые годы. Жизнь развела потом бывших однокурсников, разметала, отдалила, но ведь не настолько, чтобы «Уважаемый...» и «Уважаемая...». Ну вот, вроде бы я себе право на фамильярность оговорила, дальше, надеюсь, дело пойдет легче.

Теперь об обстоятельствах места и времени, что тоже немаловажно. Встретились мы осенью 1987 года на Школе, которую регулярно проводит Институт водных проблем АН СССР. Каждый раз основные темы, которым бывает посвящена школа, разные, но все они так или иначе охватывают круг проблем, связанный с управлением водными ресурсами. Нынешняя школа была несколько особой. Не по тематике, нет. По одной, но, на мой взгляд, немаловажной детали.

Буквально накануне вышел журнал «Огонек», в одной из статей которого автор подводил некоторый итог борьбе, развернувшейся в прессе, а, пожалуй, можно сказать и шире — в обществе, вокруг проекта переброски части стока северных рек. Статья была острой, в не-

Г. Шевелева

Интервью со старым знакомым, или Зачем Москве Ржевское водохранилище

которых формулировках, может быть, даже чересчур острой (писал не специалист — журналист), но в целом правильной, пытающейся разобраться в мотивах и аргументах защитников проекта. «Огонек» лежал у меня в сумке, и запах типографской краски еще не выветрился, настолько свежим было событие.

Ну, думала я по пути в Звенигород, где проходила школа, наверное, только и разговоров будет, что про статью. Вот ведь как совпало! Институт же водных проблем, можно сказать, главный персонаж статьи...

Ничуть не бывало. Ученые один за другим

докладывали свои работы, все шло по программе, и только разве иногда вдруг мелькало в докладе слово «пресса», чаще всего в таком контексте: «Пресса неправильно освещает...» или «Пресса, не разобравшись...» Правда, произносилось слово так, будто в нем не два «с» посередине, а значительно больше. Но о самой вчерашней статье — ни гу-гу. Будто ее не было. Будто не возникло у сотрудников института потребности возразить, опровергнуть, доказать.

Наверное, шли разговоры по вечерам в гостиничных номерах. Наверняка даже шли. Но только не в присутствии «прес-с-сы».

А меня эта мысль очень занимала. Неужели, думала, институт состоит из одних единомышленников, которые все единодушно поддерживают проект? Нет же, конечно. Неужели нет среди сотрудников людей, которые хотели бы сказать: «Давайте разберемся, в чем справедливо нас упрекают, а в чем — нет». И случай ведь замечательный — собрались не в служебных стенах, а в звенигородском академическом пансионате, тут бы и поговорить не спеша. И зал есть, и микрофон... Но нет, будто и не было «Огонька», будто и не было достаточно тяжелых обвинений в адрес института, содержащихся в статье. Только несколько раз: «Прес-с-са!..».

Случился, конечно, и казус, связанный с отношением к прессе. На один день приехал на школу старейший и замечательный почвовед, член-корреспондент АН СССР Виктор Абрамович Ковда. Рассказывая о влиянии орошения на черноземы, он достал образцы черноземных почв, подвергшихся неправильному орошению, и очень выразительно постучал по кафедре окаменевшими до состояния асфальта кусками земли. «Спасибо прессе, — сказал он, — она сейчас очень много делает, чтобы поднять тревогу в связи с разбазариванием замечательного богатства, подаренного нам природой, — черноземов». Зал встретил это упоминание напряженным молчанием.

Вот в этой-то ситуации и встретила я со старым знакомым студенческих лет. Поговорили, конечно: где работаешь? как дети? как «вообще жизнь»? А дальше разговор немного завял. Ведь когда встречаешь старинного знакомого, вовсе не знаешь, что он теперь такое. Как смотрит на мир и каких придерживается взглядов? Как обошлась с ним жизнь и как обработала? С интересом ли он работает или превратился в чиновника от науки? Ведь хотя я вместе когда-то, учась на геофаке университета, пели у костра «Бригантину», еще неизвестно, найдем ли общий язык сейчас. Да и работает Александр Александрович Дрейер в одном из научно-исследовательских институтов Минводхоза. Тоже, я вам скажу, фирма — Минводхоз... Зарекомендовала она себя в борьбе вокруг переброски самым однозначным образом.

Обо всем этом я думала во время заседаний, и как-то так случилось, что доклад А. А. Дрейера слушала вполуха. И назывался он как-то скучно, да и был уже где-то к

концу дня... И вдруг — как полоснуло: «Зачем же, скажите, нужно Москве еще одно, Ржевское, водохранилище?» Черт возьми, вот он о чем, а я почти все прослушала...

Так и получилось, что в Звенигороде договорились мы встретиться в Москве и поговорить. И сидим у меня дома на кухне, а маленький диктофончик записывает это мое интервью на «ты».

— Скажи, пожалуйста, Саша, значит, ты занимался Ржевским водохранилищем?

— Нет, не совсем так. Я занимаюсь проблемами, связанными с автоматизированным управлением водными ресурсами. Ведь водное хозяйство, особенно городское, стало чрезвычайно сложным. Представь, что каким-нибудь образом мы могли бы взглянуть на городские водные коммуникации сквозь асфальт и верхний слой земли. Очень сложная картина предстала бы взору — такая паутина труб проходит под городом: холодное водоснабжение, горячее, технические линии, колодцы для ливневого стока, трубы канализации, старые, отслужившие свой век водопроводы и так далее, и тому подобное. Одним городским хозяйством управлять сложно, а если речь идет о распределении воды в целом регионе — куда, как, в каком количестве подавать воду, чтобы ее всем хватило и чтобы использовалась с толком, — сложная задача и далеко не всегда легко и правильно решаемая.

Примерно с 1970 года у нас в стране начались работы по управлению водными ресурсами. Для начала были выбраны такие бассейны, как Днепр и Сырдарья — реки с очень напряженным водохозяйственным балансом. Работу выполняли разные проектные институты, и даже принципы, положенные в основу, были различными. К сожалению, АСУ-Днепр, хотя и была создана, реализована не была, а АСУ-Сырдарья применяется только как система распределения воды по оросительным каналам, не больше. Тем не менее эти работы дали некоторый толчок к тому, чтобы на современном уровне заняться управлением водным хозяйством.

— Ну, я знаю, что очень много этой проблемой занимались на Урале. Там были тщательнейшим образом разработаны схемы использования воды. К работе был привлечен Уральский научный центр, много занимались вопросами маловодной технологии, оборотным водоснабжением и так далее.

— Правильно говоришь. А почему уральцы так взялись за это? Потому, что водные ресурсы у них скудны, а промышленности много, и она, конечно, требует воды. И надо сказать, что на Урале получены самые хорошие результаты. Сидя на голодном водном пайке, там научились очень здорово пользоваться водой, по-умному распределять между многочисленными промышленными предприятиями, экономить ее. Когда я впервые познакомился с работами Уральского научно-исследовательского института водного хозяйства и мелиорации, меня поразило, что реки с расходом в полтора кубометра используют там лучше, чем мы здесь, в центральном регионе, реки с расхо-